

**КАРАПЕТОВ
АРТЁМ ГЕОРГИЕВИЧ**

ректор Юридического института «М-Логос», профессор Российской школы частного права, заведующий кафедрой Государственной академии повышения квалификации (ГАСИС), кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ О МОМЕНТЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА УВЕДОМЛЕНИЙ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Распределение почтовых рисков при направлении юридически значимой корреспонденции имеет большое практическое значение. Вместе с тем российское законодательство не дает четкого ответа на вопрос, в какой момент сообщение или уведомление считается совершенным. В предлагаемой статье на основе подробного анализа возможных вариантов решения указанной проблемы автором доказывается целесообразность законодательного установления «принципа доставки» в качестве общего правила при распределении почтовых рисков как наиболее оправданного с точки зрения справедливости и экономической эффективности.

В рамках идущей сейчас реформы гражданского законодательства или на уровне судебной практики было бы неплохо разрешить один крайне важный, но зачастую игнорируемый российскими юристами вопрос о моменте возникновения правовых последствий юридически значимых извещений и уведомлений в гражданском праве.

Не секрет, что в рамках сферы применения гражданского права участники оборота зачастую обязаны или вправе довести до сведения другого лица определенную информацию (сообщить, уведомить, заявить, предъявить и т.п.), и право связывает с этим фактом те или иные правовые последствия.

Например, согласно ст. 450 ГК РФ, если право на односторонний отказ предусмотрено в договоре или законе, договор может быть расторгнут без обращения в суд. Статья 60 ГК РФ предусматривает уведомление кредиторов реорганизуемого юридического лица. Статья 101 ГК РФ устанавливает непереносное уведомление кредиторов акционерного общества при уменьшении его уставного капитала. Статья 187 ГК РФ предписывает поверенному, оформившему передоверие, известить об этом доверителя. Статья 314 ГК РФ указывает на необходимость направления должнику требования об исполнении обязательства в случае отсутствия договоренности о сроке исполнения. На основании ст. 343 ГК РФ залогодатель уведомляет за-

логодержателя о возникновении угрозы утраты предмета залога. Статья 385 ГК РФ предусматривает обязанность cedenta *сообщить* цессионарию всю информацию, имеющую значение для реализации права требования. Согласно ст. 410 ГК РФ для зачета необходимо заявление одной из сторон. Статья 720 ГК РФ указывает на то, что заказчик должен заявить о недостатках в выполненных подрядчиком работах. Законодательство знает множество других подобных норм, где прямо или косвенно на одну из сторон возлагается обязанность сообщить что-либо другой стороне, или же уведомление является условием реализации того или иного права отправителя.

Кроме того, направление извещений и уведомлений может быть предусмотрено договором или следовать из обычаев делового оборота.

В связи с этим возникает крайне важный практический вопрос о том, в какой момент уведомление считается сделанным и когда отправитель считается выполнившим свою обязанность или соответствующее условие реализации своего права. К сожалению, наше законодательство не дает четкого ответа о распределении почтовых рисков. Иными словами, нет нормы, которая указывала бы, кто (отправитель или получатель) отвечает за сбой в доставке и соответственно с какого момента возникают правовые последствия юридически значимых уведомлений. Тем не менее данная проблема имеет большое практическое значение и создает массу сложностей при рассмотрении споров.

Вопрос о том, считается ли извещение совершенным в момент отправления или в момент доставки особенно важен, когда речь идет о порядке зачета встречных однородных требований, предупреждении арендатора о необходимости устранить нарушение, расторжении договора и во многих подобных случаях, когда от доказанности того, что извещение сделано, зависит судьба договора.

До последнего времени этот нюанс в российском гражданском праве вообще не анализировался. В советский период можно было встретить очень краткие отрывки, характеризующие разные точки зрения, касающиеся отдельных частных проявлений обсуждаемой проблематики. Так, В.А. Рясенцев отмечал, что заявление об отзыве доверенности вступает в юридическую силу в момент отправки, а не в момент фактического получения¹. Но никакого комплексного и серьезного анализа распределения почтовых рисков ранее, насколько нам известно, практически не предпринималось².

При этом следует иметь в виду, что применительно к некоторым случаям законодательство РФ однозначно решает вопрос о моменте возникновения юридического эффекта уведомления. Так, ст. 433 и 435 ГК РФ предусматривают, что оферта и акцепт считаются совершенными в момент их доставки адресату. Тем самым все почтовые риски возлагаются на отправителя. Это означает, что для того, чтобы быть уверенным во вручении оферты или акцепта, он должен позаботиться о наличии доказательств этого. Другой пример: норма п. 3 ст. 523 ГК РФ указывает, что «договор поставки считается измененным или расторгнутым *с момента получения* одной стороной уведомления другой стороны об одностороннем отказе от исполнения договора... (курсив наш. — А.К.)».

Сейчас проект Концепции совершенствования общих положений обязательственного права³ абсолютно верно предлагает расширить сферу применения данной нормы и распространить принцип доставки извещения об одностороннем отказе на все остальные договоры. Но в законодательстве отсутствует общая норма, подходящая для всех остальных юридически значимых уведомлений.

На основании сказанного выше следует призвать законодателя, в свете намечающейся реформы гражданского законодательства, ввести в ГК РФ соответствующую норму и снять все разночтения в этом вопросе⁴. Менее эффективным, но в принципе также при-

¹ Рясенцев В.А. Представительство и сделки в современном гражданском праве. М., 2006. С. 302.

² Исключения см.: Каралетов А.Г. Момент возникновения юридических последствий уведомления контрагента в гражданском праве // Юридическая и правовая работа в страховании. 2006. № 1. Он же. Расторжение нарушенного договора в российском и зарубежном праве. М., 2007. С. 258—282.

³ Опубликован на сайте <http://www.privlaw.ru>.

⁴ Обзор данных вариантов и общие замечания в отношении целесообразности выбора оптимального решения отчасти уже озвучивались нами ранее в одной из статей (см.: Каралетов А.Г. Момент возникновения юридических последствий уведомления контрагента в гражданском праве. С. 104—116). В настоящей статье развиваются высказанные нами ранее идеи.

емлемым решением является издание высшими судебными инстанциями четких разъяснений судебной практики.

Для выбора оптимального подхода проведем анализ нескольких вариантов решения обсуждаемой проблемы и предположим, какой из них будет наиболее экономически целесообразным и справедливым.

Во-первых, возможен подход, при котором все почтовые риски несет получатель. При такой ситуации отправителю достаточно послать соответствующий документ адресату. Юридический эффект данного заявления или извещения наступает с момента его передачи в отделение связи. В этом случае юридически безразлично, вручено ли адресату извещение в реальности, и если да, то когда. В зарубежной цивилистике такой подход обозначается как «принцип отправления». Мы предлагаем называть его *строгим принципом отправления*. Он, как известно, применяется в отношении отправки акцепта в общем праве в рамках так называемого правила почтового ящика.

Во-вторых, возможен более мягкий вариант, при котором все почтовые риски несет получатель, но только в том случае, если отправитель предпринял все разумные и адекватные меры для того, чтобы адресат своевременно получил соответствующее письмо. Назовем его *мягким принципом отправления*. Он принят Венской конвенцией о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. (далее — Венская конвенция).

В-третьих, право многих стран мира содержит норму о возложении почтовых рисков на отправителя (Италия, Голландия, Скандинавские страны и др.). Согласно данному подходу извещение или заявление приобретает юридическую силу лишь в момент его доставки адресату. Следовательно, такая ситуация ориентирует отправителя на выбор того способа доставки, который позволит ему проконтролировать ситуацию. Если извещение получателю не доставлено, оно не имеет юридической силы и

считается несделанным. Этот вариант в зарубежной цивилистике принято обозначать как принцип доставки⁵. Мы предлагаем называть его *строгим принципом доставки*.

В-четвертых, возможно несколько смягчить указанный выше принцип и установить правило, согласно которому отправитель должен обеспечить вручение извещения, но презюмируется, что оно считается совершенным в принятый в конкретных обстоятельствах срок для доставки корреспонденции. Например, если подобный срок по доставке обычного письма из региона отправителя в регион получателя составляет 10 дней, то суд должен признать, что извещение вступило в силу по истечении 10 дней с момента отправления, независимо от того, вручено ли оно фактически или нет. Назовем данный подход *принципом условной доставки* или мягким принципом доставки.

В-пятых, возможны и любые *комбинированные варианты*, при которых для определенных видов сообщений устанавливается принцип отправления, а для других — принцип доставки. В качестве иллюстрации различных вариантов подобных комбинаций приведем решения, принятые разработчиками Венской конвенции и Принципов европейского контрактного права и законодателями некоторых стран.

Венской конвенцией признается мягкий принцип отправления. Статья 27 содержит правило о том, что риск задержки, недоставки или ошибки в передаче извещения несет получатель при условии, что отправитель совершил все надлежащие в существовавших обстоятельствах меры⁶. Но данный принцип не применяется в отношении порядка заключения договоров, который предусматривает, что оферта и акцепт вступают в силу, только если они фактически вручены адресату (п. 1 ст. 15, п. 2 ст. 18 Венской конвенции).

Другой вариант комбинированных общих подходов предлагают Принципы европейского контрактного права (ст. 1:303), а также договорное право Скандинавских

⁵ Ранее оно несколько неудачно обозначалось как принцип получения (см.: Карапетов А.Г. Момент возникновения юридических последствий уведомления контрагента в гражданском праве. С. 104—116). Сейчас представляется более точным термин «принцип доставки». Он подчеркивает необходимость доставить сообщение до места нахождения адресата и не ак-

центирует внимание на необходимости фактического вручения сообщения в руки, которое, как мы дальше показываем, зачастую является irrelevantным.

⁶ Подробнее см.: Венская конвенция о договорах международной купли-продажи товаров. Комментарий / отв. ред. А.С. Комаров. М., 1994. С. 77—78.

стран⁷, согласно которым по общему правилу признается строгий принцип доставки, т.е. извещение вступает в силу в момент фактической доставки, а все почтовые риски несет отправитель. Этот принцип не применяется в случае, когда извещение направляется в связи с допущенным получателем нарушением договора (например, уведомление о расторжении нарушенного адресатом договора) — здесь действует принцип условной доставки (извещение вступает в силу в тот момент, в который оно должно было бы быть доставлено в обычных обстоятельствах).

Интересный вариант сочетания общих принципов предлагает законодательство Испании. Согласно ст. 1262 ГК Испании признается строгий принцип доставки, но применительно к коммерческим отношениям действует принцип отправления (ст. 54 Торгового кодекса Испании). По английскому общему праву действует строгий принцип доставки, но применительно к моменту вступления в силу акцепта со времен принятия решения по делу *Adams v. Lindsell* (1818) признается строгий принцип отправления (так называемое правило почтового ящика). В соответствии с ним акцепт считается совершенным, а договор вступившим в силу с момента отправления акцепта в адрес оферента. В США, несмотря на серьезную критику, правило почтового ящика подтверждено в § 63 второго Свода договорного права (*Second Restatement of Contracts*)⁸. Праву различных стран известны и иные варианты сочетания общих принципов.

Мы считаем наиболее адекватным принятие в качестве общего правила строгого принципа доставки.

Строгий принцип отправления создает крайне нежелательную в деловом обороте неопределенность в отношениях между сторонами договора. Контрагент, послав извещение, считает себя выполнившим свою обязанность независимо от того, доставлено ли оно адресату и знает ли он о возникших юридических последствиях. Такая ситуация может порождать недопонимание между сторонами, конфликты и споры, а значит, и судебные разбирательства, а в равной степени может необоснованно

ущемить интересы получателя. Строгий принцип отправления построен на очевидной фикции. Право при данном подходе считает получателя уведомленным в момент, когда он никак не мог ознакомиться с информацией, полностью игнорируя очевидную ложность этой презумпции и риски утери сообщения, задержки в доставке или вручения иному лицу. Абсолютно непонятно, по какой причине наше право должно принимать указанную фикцию, в особенности для случаев, когда соответствующее уведомление направляется не в связи с нарушением договора получателем?!

Вряд ли в достаточной степени справедлив и мягкий принцип отправления, так как он в не меньшей степени, чем строгий, создает неопределенность и провоцирует новые конфликты, поскольку допускает ситуацию, когда адресат остается в неведении в отношении произошедших юридических фактов и их последствий.

Принцип условной доставки более разумен, но, к сожалению, страдает двумя недостатками: (1) он порождает споры об «обычных» сроках доставки и (2) в полной мере не устраняет обозначенную проблему неопределенности в случае, если почтовая организация нарушит нормативные или обычные сроки или вовсе утерит письмо.

Предлагаемый нами для утверждения в ГК РФ строгий принцип доставки в той или иной форме отражен (помимо Принципов европейского контрактного права) в законодательстве многих стран⁹. Так, согласно ст. 1334 ГК Италии односторонние акты вступают в силу в момент, когда они доведены до сведения лица, которому они посылаются. При этом согласно ст. 1335 ГК Италии любая такая декларация считается доведенной до сведения получателя, если она доставлена по его адресу¹⁰. Аналогичное решение закреплено и в голландском гражданском законодательстве, и в ст. 3:37 ГК Нидерландов.

Данный подход оправдан с догматической и даже с лингвистической точки зрения. Во-первых, согласно закону исполнитель несет ответственность за действия третьих лиц, которых он привлек для исполнения. Это в полной мере относится к почтовой или иной подобной

⁷ *Principles of European Contract Law. Part 1 & 2.* / ed. by O. Lando & H. Beale. London, 2000. С. 131.

⁸ Подробнее критику теории «почтового ящика» см.: Цвайгерт К., Кётц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. М., 1998. Т. 2. С. 53—55.

⁹ Подробный сравнительно-правовой обзор см.: *Principles of European Contract Law.* С. 130—131.

¹⁰ Подробнее см.: Antonioli L., Veneziano A. *Principles of European Contract Law and Italian Law. A Commentary.* 2005. С. 73—76.

организации. Поэтому за ошибки, допущенные ею, отвечает отправитель, а никак не получатель. Во-вторых, когда закон говорит о праве или об обязанности лица довести до сведения другого лица свою волю или некую информацию, то используются термины, которые не оставляют сомнения в том, что сама процедура может считаться исполненной лишь в момент фактического вручения соответствующего сообщения («уведомить», «известить», «сообщить», «предъявить», «заявить»).

Но самое главное — строгий принцип доставки оправдан с точки зрения справедливости и экономической эффективности.

С позиции справедливости недопустимо появление правовых последствий некоего извещения до того, как адресату предоставлена возможность ознакомиться с ним. Если для возникновения того или иного правового последствия необходимо довести сообщение до лица, то справедливость и простой здравый смысл требуют, чтобы ранее момента доставки правовой эффект не возникал.

Относительно экономической эффективности обсуждаемое правило рассматривается как способ распределения риска фактической утери извещения или запоздалой доставки (почтовый риск). Как и любой подобный риск, он должен быть возложен на одну из сторон. Главный вопрос здесь — на какую из сторон будет наиболее экономически эффективно возложить его. Обычно в рамках экономического анализа права принято считать, что лучшим носителем риска будет являться тот, кому проще и дешевле данный риск проконтролировать или избежать. При таком подходе издержки по контролю за риском, а следовательно, и транзакционные издержки в целом оказываются меньшими. В итоге расходы включаются в цену сделки и перераспределяются между сторонами. Но сам факт того, что они возложены на сторону, способную проконтролировать риск с меньшими издержками, снижает общие затраты сторон, соответственно повышает рентабельность сделки и согласно критерию Калдора — Хикса максимизирует экономическую эффективность.

В нашем случае с юридически значимыми извещениями очевидно, что лучшим носителем риска будет отправитель, так как именно он выбирает способ доставки извещения. Для него минимизация почтового риска

путем выбора более надежного способа пересылки или направления собственного курьера стоит значительно дешевле, чем будет стоить адресату мониторинг всех возможных служб, осуществляющих доставку извещений, через которые его контрагенты могут теоретически осуществлять отправку ему извещений. Более того, контроль почтовых рисков со стороны получателя считаем не просто более дорогим, но в принципе невозможным. Поэтому выбор в пользу принципа доставки оказывается predetermined.

Тем не менее для внедрения в наше право выбранного принципа доставки необходимо преодолеть определенные преграды. Речь идет о п. 2 ст. 194 ГК РФ, согласно которому письменные заявления и извещения, сданные в организацию связи до двадцати четырех часов последнего дня срока, считаются сделанными в срок. Данное правило может навести на мысль об отражении в нашем законодательстве принципа отправления. Исходя из смысла указанной статьи получается, что отправитель, сдавший в последний день срока извещение в отделение связи, считается известившим адресата. На наш взгляд, здесь законодатель неоправданно ввел в право очевидную фикцию.

Для примера приведем следующую ситуацию. Согласно договору поставки покупатель вправе в одностороннем порядке отказаться от договора в течение 30 дней с момента его заключения. Покупатель в последний день этого срока сдал на почту письмо об отказе от договора. Поставщик получил его лишь через 14 дней. Справедливо ли считать, что извещение (а соответственно и расторжение) совершено в момент сдачи письма на почту? Ведь при таком толковании все расходы, понесенные поставщиком, ничего не знавшем о расторжении, в течение указанных двух недель, не будут компенсированы покупателем, так как совершены уже после прекращения договора. А если письмо вовсе не дойдет? Ведь в таком случае поставщик, находящийся в полном неведении, может закупать товар и готовить отгрузку, а о прекращении договора узнать лишь при попытке передать покупателю партию. Очевидно, что принимать такую вопиющую фикцию абсолютно несправедливо. Таким образом, применение на практике подхода, изложенного в п. 2 ст. 194 ГК РФ, необоснованно нарушает баланс интересов сторон, может причинить адресату значительный вред, потому что порождает явную несправедливость и открывает большой простор для злоупотреблений со стороны отправителя.

В большинстве случаев закон, указывающий на право или обязанность направить извещение, вообще не предусматривает каких-либо сроков, либо содержит ссылку на разумность сроков или на немедленность подобного извещения. В таких случаях применение п. 2 ст. 194 ГК РФ исключается. Но проблему, порождаемую данной нормой, нельзя игнорировать, поскольку (1) в отдельных статьях (например, в ст. 821 ГК РФ) можно встретить установление сроков для извещения и (2) такого рода сроки могут включаться в договоры.

Учитывая изложенное, предлагаем п. 2 ст. 194 ГК РФ исключить вовсе. Он намекает на принцип отправления, который, как мы уже доказали, неприемлем. Соответственно для последовательного воплощения в жизнь принципа доставки нам необходимо избавиться от этого формального препятствия. Идея о том, что извещение считается сделанным в срок, если сдано в организацию связи, вполне применима в публично-правовых отношениях, когда речь идет об обязанности или праве частного лица отправить какое-то извещение в адрес государства или тех или иных государственных органов. Здесь при отправке извещения почтой или телеграфом риски возникновения сбоев было бы логичнее перекладывать на государство как контролера или фактического владельца соответствующих служб. Но в гражданско-правовых отношениях возложение на адресата риска фактического неполучения и утери или задержки в доставке сообщения является несправедливым и экономически неэффективным.

На данный момент в связи с отсутствием в нашем законодательстве четкой нормы о распределении почтовых рисков и наличием п. 2 ст. 194 ГК РФ в судебной

практике по указанному вопросу царит полный хаос. Некоторые суды требуют от отправителя доказать лишь факт передачи в отделение связи сообщения и довольствуются, например, почтовой квитанцией об отправлении заказного письма. Другие же обязывают прилагать и уведомление о вручении. Это вносит в задачу доказывания факта извещения высокую степень неопределенности и непредсказуемости.

Различные позиции по решению данной проблемы занимал и ВАС РФ. Из анализа его судебной практики вытекает, что в целом Суд тяготеет к применению принципа доставки¹¹. Но встречаются и иные подходы, навеянные скорее спецификой регулируемых отношений¹².

Как мы уже отметили, подобная несогласованность объясняется отсутствием в нашем законодательстве четких норм о распределении почтовых рисков.

Для устранения данной проблемы мы по аналогии с тем, как это сделано в Венской конвенции, Принципах европейского контрактного права и законодательстве многих стран, предлагаем устранить норму п. 2 ст. 194 ГК РФ и одновременно внести в наше законодательство правило о распределении почтовых рисков. При этом считаем наиболее разумным принятие строгого принципа доставки.

Этот подход мог бы быть прописан в отдельной норме в общих положениях ГК РФ или введен в рамках судебного правотворчества высших судов. Он бы применялся к любым извещениям и уведомлениям, претензиям, требованиям и заявлениям, которые один участник гражданского оборота обязан или имеет право отправить другому участнику оборота в тех или иных гражданско-

¹¹ Так, в п. 30 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 11.01.2002 № 66 указывается на то, что письменное предупреждение о необходимости исполнить договор в разумный срок должно быть получено арендатором, чтобы он имел возможность сделать это. В п. 4 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 29.12.2001 № 65 отмечается, что для прекращения обязательства зачетом заявление о зачете должно быть получено соответствующей стороной.

¹² Например, ст. 279 ГК РФ предусматривает обязанность государственных органов письменно уведомить собственника земли о предстоящем изъятии не позднее, чем за год. В Постановлении Пленума ВАС РФ от 24.03.2005 № 11 «О некоторых вопросах, связанных с применением земельного законодательства» данная норма модифицируется: в случае

несогласия собственника земельного участка перечисленные органы могут предъявить в суд иск о выкупе участка только по истечении одного года с момента получения письменного уведомления о принятии решения об изъятии и не позднее двух лет с момента направления такого уведомления. Другой пример: п. 15 совместного Постановления Пленумов ВС РФ и ВАС РФ от 12/15.11.2001 № 15/18 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм ГК РФ об исковой давности». Здесь указывается, что «согласно пункту 2 статьи 194 ГК РФ письменные заявления, сданные в организацию связи до двадцати четырех часов последнего дня срока, считаются сделанными в срок. Поэтому днем предъявления иска следует считать дату почтового штемпеля отделения связи, через которое отправляется иск в суд».

правовых целях. В равной степени это относилось бы к оферте и акцепту, заявлению о зачете, заявлению об одностороннем отказе, уведомлению поверенного об отзыве у него доверенности и другим подобным извещениям. Но в той же статье имеет смысл указать, что другой порядок извещения может быть установлен договором или законом. В последнем случае речь идет о тех ситуациях, когда законодатель решит установить специфический порядок уведомления для некоторых правовых коллизий (например, доведение сообщения о реорганизации до кредиторов путем публикации уведомления в порядке, предусмотренном п. 5 ст. 15 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»).

Здесь следует обратить особое внимание на обозначение данного правила как принципа доставки. Здравый смысл требует исключить необходимость доказывания того факта, что адресат реально ознакомился с сообщением. Учитывая то, что большинство извещений в коммерческой практике высылаются по почте или курьерской службой, никаких возможностей проконтролировать и соответственно доказать факт прочтения у отправителя нет. Поэтому он должен доказать лишь факт доставки. Несмотря на то, что здесь в право опять внедряется определенная фикция, это неизбежно и укладывается в рамки представлений о справедливости и разумности.

Представить себе обратное решение, когда отправитель должен был бы доказывать факт ознакомления уполномоченного лица получателя с текстом сообщения и осознания им его значения, просто невозможно.

Данное правило находит поддержку в зарубежном праве. Так, п. 2—3 ст. 3:303 Принципов европейского контрактного права прямо устанавливают, что извещение имеет юридическую силу в момент, когда оно доставлено до места нахождения адресата. Не требуется фактического ознакомления с извещением и в праве Англии, Бельгии, Австрии, Греции, Шотландии и ряда других стран¹³. Кодификация данного правила не обязательна, так как оно легко выводится из формулировки правила

доставки. Необходимо доставить, а не заставить прочитать отправляемое извещение.

Помимо установления в ГК РФ или на уровне обобщения судебной практики обсуждаемого принципа, следовало бы уточнить и некоторые иные детали.

Например, следует обратить особое внимание на опыт голландского законодателя, который уделил проблематике юридически значимых извещений большое внимание. В п. 3 ст. 3:37 ГК Нидерландов закреплена абсолютно разумная норма о том, что принцип доставки исключается, если недоставка или запоздалая доставка извещения вызвана обстоятельствами, за которые отвечает сам адресат или привлеченные им третьи лица, а также которые тесно связаны с ним и оправдывают переложение на него соответствующих негативных последствий¹⁴. Мы предлагаем аналогичную норму включить в текст ГК РФ.

Ее применение способно заиграть разными красками в различных контекстах.

Во-первых, если сообщение было доставлено по адресу фактического местонахождения получателя, но последний уклонился от его вручения (не явился по извещению, отказался принять заказное письмо и т.п.), и этот факт был зафиксирован соответствующим образом, то сообщение должно считаться доставленным. Иной подход просто парализовал бы права отправителя. Данная мера является вынужденной и неизбежной фикцией и направлена на защиту прав добросовестного отправителя.

Во-вторых, отправитель должен считаться выполнившим свою обязанность (или реализовавшим соответствующее условие) по уведомлению адресата — юридического лица, если он обеспечил доставку извещения по известному ему адресу, а в случае отсутствия получателя по указанному адресу — по месту официальной регистрации. В таком случае опять же здравый смысл требует снятия с отправителя бремени доказывания вручения сообщения, если получатель не находится по тому адресу, который был ранее сообщен, а равно и по адре-

¹³ *Principles of European Contract Law. Parts 1 & 2. C. 130.*

¹⁴ Подробнее о голландском подходе к регулированию извещений см.: *The Principles of European Contract Law and Dutch*

Law. A Commentary / edited by: D. Busch, E.H. Hondius & others. 2002. С. 66—68.

су, где он должен находиться согласно данным государственного реестра юридических лиц. Отметим, что идея о такой фикции нашла свое закрепление в проекте Концепции развития законодательства о юридических лицах¹⁵. Единственное уточнение, которое здесь следует сделать, заключается в том, что в случае, если в договоре или ином сообщении лицо довело до отправителя свой контактный адрес, по которому следует высылать официальную корреспонденцию, отправитель обязан посылать извещения именно по этому адресу. Только в случае отсутствия получателя там можно направить извещение по адресу, указанному в ЕГРЮЛ, и рассчитывать на применение фикции доставки. Это правило можно и не прописывать в ГК РФ, а выводить его из вышеуказанной нормы о переходе на получателя почтового риска тогда, когда сообщение не вручено по его вине. Тем более следует осторожно отнестись к кодификации такого подхода с учетом того, что применимость принципа доставки в отношении физического лица, не проживающего по месту своей постоянной регистрации, в ключе, аналогичном тому, как мы применяем данную фикцию в отношении юридических лиц, является весьма спорной.

В-третьих, извещение должно считаться состоявшимся в том случае, если оно поступило не только самому получателю, но и уполномоченному им лицу. Так, при поступлении письма на абонентский ящик, располагающийся в организации связи, с которой у адресата должен быть заключен договор на принятие и хранение входящей корреспонденции, извещение считается доставленным.

|| За непередачу письма адресату его почтовым отделением должен отвечать сам адресат.

Данное правило вполне очевидно и не требует дополнительной аргументации.

Но, к сожалению, на практике нередко почтальон либо по объективным причинам, либо по нерадивости вручает сообщение под расписку, не проверяя юридических полномочий лица на принятие корреспонденции. Да и в тех случаях, когда такие полномочия проверяются, их наличие невозможно доказать в суде. Почтальоны не обязаны брать копию доверенности, а могут просто ознакомиться с ней. В результате при рассмотрении спо-

ра зачастую адресат оспаривает факт вручения письма или телеграммы, ссылаясь на то, что получило сообщение и расписалось в получении неуполномоченное или вовсе не известное лицо. На основе экономического анализа права с целью определения, на кого из сторон эффективнее возложить риск ошибки в проверке полномочий при фактической передаче извещения, можно вывести следующие подходы.

При отправке извещения с собственным курьером или привлеченной курьерской службой риск ошибки в проверке полномочий несет отправитель. При этом извещение считается доставленным адресату, если оно вручено лицу, имеющему полномочия на получение корреспонденции на основании доверенности, в силу обстановки и других правовых оснований. Например, достаточно того, чтобы извещение было передано любому лицу, являющемуся сотрудником организации-адресата. В данном случае полномочия сотрудника на прием корреспонденции и его служебная имплицитная обязанность передачи корреспонденции руководству вытекает из обстановки (п. 1 ст. 182 ГК РФ).

|| Если в организации не организована работа по обработке корреспонденции, и сотрудник, получивший письмо или телеграмму, не передал его в соответствующий отдел, данный риск должна нести сама организация-адресат.

Такой порядок подстегнет ее более эффективно налаживать работу по приему корреспонденции. Обратный подход абсурден. В случае же отсутствия по месту нахождения адресата сотрудника, имеющего доверенность на прием корреспонденции, другого выбора у курьера отправителя, кроме как вручать извещение любому доступному сотруднику адресата, просто нет. Та же ситуация и с передачей письма или телеграммы лицам, проживающим в квартире адресата — физического лица. Сам адресат должен нести риск того, что лицо, проживающее вместе с ним, не передало ему сообщение, так как следует считать, что полномочия по передаче вытекают из обстановки.

Таким образом, курьер должен проверить, что он передает сообщение лицу, имеющему доверенность на получение входящей корреспонденции, или по меньшей мере сотруднику или родственнику адресата. Для этого ему необходимо попросить доказательства, подтверждающие статус или полномочия лица, принимающего письмо. Например, сдавая письмо в канцелярию орга-

¹⁵ Опубликовано на сайте <http://www.privlaw.ru>.

низации, разумно требовать проставления печати организации, даты вручения, подписи ответственного сотрудника и ее расшифровки на копии соответствующего документа. При вручении извещения гражданину, находящемуся в квартире или доме получателя — физического лица разумно проверять его паспорт с целью удостовериться в наличии родственных отношений с адресатом и просить расписаться на копии документа с расшифровкой подписи и указанием даты вручения. Иначе доказать, что полномочия лица, принявшего извещение, вытекали из доверенности или обстановки, отправитель не сможет, и вопрос о соблюдении процедуры по уведомлению может быть решен не в его пользу.

Если же извещение отправляется посредством почты или телеграфа, считаем наиболее эффективным решением переложение на адресата риска получения извещения неуполномоченным лицом. Иначе говоря, извещение будет считаться доставленным, если есть доказательства того, что оно было вручено по месту нахождения адресата какому-либо лицу, независимо от того, является ли оно уполномоченным или нет. Объясняется это просто.

С точки зрения здравого смысла вряд ли разумно считать почтовое отделение адресата доверенным лицом отправителя, так как оно, как правило, намного теснее связано с первым. Отправка юридически значимых извещений по почте или телеграфом является стандартной практикой оборота. Любая компания в своем контактном адресе указывает почтовый индекс, что означает, по сути, указание на обслуживающее эту компании отделение связи. Тем самым всем потенциальным отправителям сообщается, какое отделение связи обслуживает поступающую на имя адресата корреспонденцию. В результате по своей экономической сути отделение связи по месту нахождения адресата — скорее лицо, привлеченное им, чем отправителем. Соответственно справедливее и экономически эффективнее возлагать риск ошибок почтового отделения по месту нахождения адресата на самого адресата, чем на отправителя, который, получив уведомление о вручении, не может проверить факт вручения уполномоченному лицу. С позиции эффективности издержки по контролю риска ошибки в работе отделения связи по месту нахождения адресата будут намного ниже, если возложить их на самого адресата, которому намного проще наладить бесперебойное взаимодействие с местным отделением связи. Если отправитель обеспечил поступление извещения в отделение связи по месту нахождения по-

лучателя, а оно вернуло уведомление, подтверждающее доставку, истинная картина волновать его не должна.

Подход, обратный предлагаемому, неприемлем, так как может создавать нежелательные для экономики и стабильности делового оборота риски и неопределенность. Ведь отправитель будет уверен в достижении правового эффекта и будет распоряжаться своим имуществом и временем, исходя из этого. Если вдруг позднее выяснится, что посланное им заявление было вручено неуполномоченному лицу, и суд в связи с этим не признает возникновения правовых последствий (например, расторжения договора), отправитель может оказаться в очень неприятном положении. Таким образом, учет судом вопроса о наличии у лица, принявшего доставленное через почту или телеграф извещение, реальных полномочий, может существенным образом дестабилизировать деловой оборот и провоцировать получателя к различного рода спекуляциям на этот счет.

С учетом всех вышеприведенных рассуждений считаем необходимым установить правило, согласно которому если отправитель направил через организацию связи извещение (письмо или телеграмму) по точному адресу, то риск его вручения местным отделением связи неуполномоченному лицу переходит на получателя, а извещение считается сделанным, и соответствующий юридический эффект возникает с момента, указанного на уведомлении о вручении или ином подобном документе, независимо от того, кто в действительности от имени адресата получил письмо (или телеграмму).

Данный подход, следует признать вынужденной фикцией. Он, безусловно, может допустить некоторую несправедливость, когда почтальон доставит письмо по адресу, но вручит его абсолютно постороннему лицу (например, зашедшему в офис гостю) или за письмом явится неуполномоченное лицо, а сотрудник местного почтового отделения по какой-то причине не проверит его полномочия. Но очевидно, что такого рода случаи встречаются крайне редко, если и вовсе не являются казусами.

Если же мы допустим право получателя оспаривать факт доставки письма по причине его вручения неизвестному и (или) неуполномоченному лицу, то мы создадим значительную нестабильность и непредсказуемость в отношениях сторон, так как станет возможным оспорить практически любое юридически значимое извещение.

Лучше допустить крайне редко встречающиеся на практике казусы, когда почтальон вручает конверт абсолютно постороннему лицу, не являющемуся ни сотрудником организации-адресата, ни родственником или близким человеком гражданина-адресата, чем дать возможность получателю злоупотреблять законом. Необходимость обеспечить стабильность делового оборота и предсказуемость взаимоотношений субъектов гражданского права, а в равной степени соображения справедливости и экономической эффективности требуют именно такого решения¹⁶.

Здесь следует напомнить, что мы перекладываем на получателя риск вручения извещения по надлежащему адресу неуполномоченному лицу тогда, как за доставку письма (телеграммы) отвечает независимая от отправителя государственная организация связи, ис-

пользование услуг которой является общепризнанной практикой. Если же доставка осуществляется силами самого отправителя, привлеченных им курьеров или частных курьерских служб, то риск вручения неуполномоченному лицу должен нести отправитель. В подобных случаях он в лице курьера обязан позаботиться о наличии доказательств вручения уполномоченному лицу, чьи полномочия основывались на доверенности или следовали из обстановки.

Мы не думаем, что эти все тонкости стоит включать в ГК РФ. При желании их можно легко вывести из общей нормы о том, что невручение извещения по причинам, тесно или в большей степени связанным с адресатом, не лишает отправителя возможности сослаться на доставку извещения.

¹⁶ Такое решение иногда можно встретить в судебной практике. См., напр.: постановление ФАС Московского округа от 19.08.2004 № КГ-А40/6868-04.